

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СТРАНАХ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

В XXI столетие мировое сообщество вступило обремененное проблемами и противоречиями. Отошло в прошлое рассмотрение африканской действительности с точки зрения противоборства двух противоположных социальных систем и классового подхода. Произошла смена ориентиров. Сегодня Африка, её политическая жизнь представляют собой чрезвычайно интересный и трагический этап развития.

Ключевые слова: Африка, политика, государство, власть, государства Тропической Африки, африканские страны, политические лидеры, политические процессы, политическая нестабильность.

Чтобы понять сегодняшнюю политическую ситуацию в Африке, стоит вернуться в прошлое. «Африка — колыбель цивилизации», «Африка — заповедное поле охоты на чернокожих», «Африка — арена битвы идей», «Африка — богатейший континент», «Африка — беднейший континент» — эти и другие политические клише, характерные для разных этапов развития, накладывались на то, что происходило в последние полвека. Сегодня на политической карте мира обозначено более 50 государств, расположенных на Африканском континенте. Каждое из них прошло сложный путь завоевания политической независимости. В одних это была «флаговая независимость», «добровольно-вынужденная» передача власти, в других — восстания, забастовки, антиколониальные войны. Но всех их объединяла эйфория независимости. «День настал, отворились дали. Всем — ему, и тебе, и мне. Встань, сородич. Юн и бесстрашен! День свободы сияет нам. Молодая Африка наша неподвластна чужим рукам!», — писал Патрис Лумумба. Молодое поколение вступило в эпоху независимости, молодые политики встали во главе государства.

25 мая 1960 г. вошло в политическую историю как День Африки. Многие политические деятели были и образованными людьми, и признанными поэтами — Л. С. Сенгор, Патрис Лумумба, Агостиньо Нето, Секу Туре, Дж. К. Ньерере. Первое поколение политической африканской элиты, «эвалюэ», лидеров отличалось чрезвычайной пестротой — военные, школьные учителя, партийно-профсоюзные функционеры, возглавлявшие народные фронты или партии. Всех их роднило то, что они были одного поколения и все они были патриотами.

Национально-освободительная идеология «подпирала» структуру власти. Впервые прозвучавшие в середине XIX в. лозунги Дж. Блайдена «Назад, в Африку!», «Африканская личность», подхваченные Дж. Пэдмором и воплощенные практически в концепции «негритюда» Л. С. Сенгора, в 1960-е годы расцвелись различными теориями (концепциями) «социализма» — танзанийского, замбийского, кенийского, малийского. Народные предания, мифы, легенды, исторические личности — Чака, Лобенгула, Мухаммед Туре, Аль Хадж Омар, Сундиата, Аль Башири и другие — превращались в средства борьбы за независимость. Фольклор стал оружием политической борьбы. В боевых песнях африканских племен выразились настроения антиколониальной борьбы, а хвалебные гимны прославляли новых политических руководителей.

Начался процесс переименования государств, которым возвращали старые, доколониальные, названия. Новый политический смысл приняла кампания по африканизации имен. Президентам, верховным лидерам наций присваивали титулы наций, закрепленные в соответствующих правовых документах. Идеологические концепции, пути развития носили имена руководителей государств («мобутизм», «нкрумаизм», «эйадеизм»). Будучи своего рода идеологией власти, они обеспечивали авторитет «отцу нации», видящему гарантию процветания своей страны в следовании заветам предков.

В странах Тропической Африки глава государства именовался «отцом нации», что нашло отражение в официальных документах, средствах массовой информации, в общении между людьми. К этому добавлялся культ предков, освященный традициями. Особенность политической культуры того времени проявлялась в политических символах, которые продолжали влиять на содержание политического процесса. По существу, вся политическая жизнь в Африке отличалась глубоким символизмом. Разнообразные политические символы государства были представлены в различного рода политических ритуалах. В гимне Танзании это звучало так:

Мунгу, благослови Африку,
Благослови её руководителей.
Мунгу, благослови Танзанию,
Даруй независимость и единство.
Мунгу, благослови Танзанию
И её народ.

В песне, исполняемой парламентом страны перед очередным собранием, отмечалось: «Всемогущий Мунгу, милостивый и полный величия, господин всего сущего, создатель небес и суши, мы покорно просим тебя, чтобы наша страна ОРТ была под твоим вечным вниманием и защитой». «Даруй нашему президенту здоровье, долгой жизни и мудро-

сти ... Чтобы он мог управлять справедливо и мирно для процветания ОРТ» (Бочаров, 2002, 118).

В ритуальных политических текстах фигурировал основатель нации (для каждой страны свой), который покровительствовал руководству страны. Сакрализация власти, помпезная театрализованность, ритуалы, персонификация лидера пронизывали всю политическую жизнь. Традиции, архаичное сознание масс населения, политическая культура на уровне верховной власти — все это в совокупности с эйфорией политической независимости создавало яркую, цветную картину молодого государства первых лет независимости. Параллельно с внешней атрибутикой государственной власти шел процесс африканизации и в государственных структурах, оставленных колонизаторами, и в сельском хозяйстве. Государства выбирали тот тип политического устройства, который был свойственен бывшим метрополиям (хотя вскоре эти формы были заменены военными диктатурами и военными режимами).

Получив политическую независимость, Африка заявила о себе как богатейший континент, в котором сосредоточено около 2% мировых запасов нефти и природного газа, более 5% мировых запасов каменного угля, 1/3 мировых запасов урана, около 25% мировых запасов бокситов, свыше 53% мировых разведанных запасов золота. Здесь сконцентрированы все мировые запасы хромитов, половина мировых запасов кобальта, свыше 40% запасов алмазов. Широко распространены месторождения железной руды, марганца, меди. Все это позволяет региону занимать лидирующие позиции на мировом рынке по добыче отдельных видов полезных ископаемых. И в то же время Африка была крайне бедным континентом. На начало 60-х годов XX в. на страны Тропической Африки приходилось менее 1% ВМП (валового мирового продукта). Подушевой доход в странах региона варьировался от 50 до 150 долларов, а средний региональный показатель был примерно в 12 раз ниже аналогичного показателя в развитых государствах. В региональном валовом внутреннем продукте (ВВП) 43% приходилось на сельское хозяйство и всего 18% процентов — на промышленность; выпуск промышленной продукции на душу населения в регионах был в 24 раза ниже, чем в развитых государствах. К моменту обретения политической независимости государства были аграрными и отсталыми. 86% населения было занято в сельском хозяйстве (*Новейшая история, 2004, 241*).

С этим «богатством» африканские народы обрели политическую независимость. Казалось, возникли новые типы государств, чья история до сих пор не знала. Государства выбирали тот или иной путь развития, что нашло отражение не только в конституциях, но и в конкретных делах. Национализация, индустриализация, африканизация, упор на развитие сельского хозяйства, создание коллективных деревень

(уджамаа), социальные программы здравоохранения и образования — все это, как и определенные успехи в первые годы, вызывало надежду народов на достойную жизнь.

Столь огромный континент не мог находиться вне сферы интересов двух противоборствующих мировых систем, существовавших в то время. Началась «вторая схватка» за Африку. В конце 70-х – начале 80-х годов XX в. значительно повысился интерес к вопросу экономического развития африканских стран. Лагоский план действий, Доклад Международного банка реконструкции и развития (МБРР) обосновывали программу независимого самообеспечиваемого развития и подчинения экономики Африки международному капиталу. Начало 1980-х годов совпало с резким ухудшением экономического положения большинства стран Африки. Возникла чрезвычайная ситуация, поставившая в качестве основного вопрос о выживании. В основе экономического кризиса африканских стран лежит целый ряд причин. Колониальное прошлое (слабость институциональной структуры, неразработанность ресурсной базы, недостаток кадров, многоукладность экономики, её диспропорциональность) и экономический кризис на Западе (сокращение объема экспорта, неблагоприятные условия торговли, уменьшение притока финансовых средств, рост протекционизма, высокие процентные ставки) привели к драматическим последствиям. На экономическую политику Африки особое влияние оказали западные теории модернизации, концепции институционализма, теории порочных кругов бедности, концепции основных потребностей. Это не всегда соответствовало основным потребностям и экономическим стратегиям ряда стран. Интеграция Африки в глобальную систему привела к разрушению проектов национального развития 60–70-х годов XX в. Изменение баланса социальных сил в пользу капитала транснациональных корпораций привело к тому, что программы структурного регулирования заставляли экономики стран Африки обслуживать внешний долг. Одним словом, углубление кризиса глобальной системы, затронувшей в той или иной степени весь мир, в большей степени сказалось на африканских странах. Результатом политики глобализации явились экономическая регрессия, социальные бедствия, нестабильность, распад целых обществ (Руанда, Сомали, Либерия, Сьерра-Леоне), на протяжении 1990-х годов показатели роста ВВП в Африке на душу населения были отрицательными (–0,2%) (http://www.findarticles.com/p/articlex/mi_m1132/is_10_53/ai_84184716).

Результатами череды экономических потрясений, стагнации и сравнительно медленного восстановления роста стали усиление эксплуатации (в том числе капиталистического типа), ускорение дифференциации общества и углубление социального неравенства. Отставание стран Африки южнее Сахары было вызвано низкими темпами роста

экспорта, недостаточным накоплением физического и человеческого капитала, недопустимой разницей в уровне доходов, имущественном положении африканцев (Мельянцева, 2004, 24–27). Эти процессы, углубление социального неравенства, дифференциация общества принимали особо опасные формы в силу продолжающегося разрушения общины и демонтажа старых властных структур. Развивались люмпенские и пауперские прослойки, разбухало «городское дно», повсеместно распространялись социальный паразитизм и «культура бедности». В середине первого десятилетия XXI в. численность нищих жителей региона (с уровнем потребления менее 1 доллара в день) приближалась к 300 млн человек, а «собственно бедные» африканцы (потребление от 1 до 2 долларов) составили почти 225 млн человек. Таким образом, Африка оказалась мировым лидером беднейших слоев общества.

Перефразируя выражения К. Поппера о том, что история политической власти есть не что иное, как история международных преступлений и массовых убийств, отметим, что в Африке это — история внутренних преступлений государства, власти против своих народов. Специфика политической власти в развивающихся странах проявлялась в том, что изначально социальная основа её представляла собой блок разнородных сил, в которых руководящая роль принадлежала политической элите. В осуществлении властных функций участвовали не только государства, правящие партии, общественные организации, но и традиционные институты. Нередко властные приоритеты принадлежали правящим партиям — своеобразным «партиям-государствам» (родоначальником этой теории был президент Гвинеи Секу Туре).

В XXI в. Африка вошла с отсталой экономикой и осталась регионом перманентной политической нестабильности. Огромную роль играли мобилизация внутренних ресурсов населения, строгая дисциплины, контроль и учет со стороны государства, поэтому настолько актуальной была потребность в сильной власти. Одной из особенностей осуществления сильной власти стал своеобразный культ государства, почетность всякой близости к нему и причастность, что составляло одну из самых старинных восточных традиций. Политическая власть в африканских странах представляла собой сложную систему с характерными механизмами власти, методами осуществления, сочетанием старого и нового, привнесением в новую систему политических отношений различных связей — этнических, религиозных, клановых и др. Гибридность, этничность, неустойчивость, противоречивость — все это отличало политическую власть. Перенесение на африканскую почву западных политических институтов и партий, которые не соответствовали ни социально-экономическим теориям, ни особенностям политической культуры, приводило к разрушению традиционных институтов управления, а мо-

дели общественного развития отличались эклектичностью и неустойчивостью. В условиях политической нестабильности, отсутствии гражданского согласия, перед угрозой территориального распада и в результате борьбы за власть между различными группировками повсеместно сформировались однопартийные системы, которые привели к утверждению авторитарных политических режимов. Из 45 государств Тропической Африки они существовали в 38 государствах. Переход к «демократии» не сводился к простой смене политического режима, провозглашению прав, свобод, установлению многопартийности. Для этого не было культурно-психологических, политических предпосылок. Усиление патронажно-клиентельных отношений, рост этнорегиональных движений, возникновение «этнической демократии» приводили к тому, что государство оказывалось неспособным контролировать ситуацию на собственной территории и предотвратить возникновение параллельных центров влияния и власти (Косухин, 2001, 80–87). С таким багажом вошла Африка в XXI в.

Становление государственности крайне осложнялось абсолютной искусственностью государственных границ, которые Африка получила в наследство от колониального прошлого. Они не имели ничего общего с границами этническими, лингвистическими, конфессиональными и устанавливались колониальными чиновниками произвольно. Многие африканские народы оказались разделенными. Созданная в 1963 г. Организация африканского единства, учитывая, что любые попытки исправить ту или иную границу могут привести к непредсказуемым последствиям, призвала считать эти границы незыблемыми, сколь несправедливы бы они ни были. Эти границы превратились вскоре в источник этнических конфликтов. Сообщения о том, что в одной стране произошел мятеж, в другой убит глава государства, в третьей — переворот, а где-то — волна убийств на этнической почве, стали фоном политической жизни. Сложные отношения в начале 1960-х годов были между Ганой и Того, Сомали и Кенией, Нигерией и Камеруном. Отношения напряженности привели к вооруженному конфликту между Эфиопией и Сомали. И это было только начало. Государственная власть оказывалась не в состоянии окончательно урегулировать этнические, религиозные и региональные отношения, обеспечить стабильность развития партийно-политических систем (Мирзаханов, 2001, 86). Не удалось преодолеть конфликтный характер связи между африканскими странами. Слабость продемонстрировали и региональные организации и программы (Современная Африка, 2009, 221).

Происходили вооруженные конфликты, в зоне которых оказалось от четверти до трети населения Тропической Африки. К концу XX в. в войнах погибли десятки миллионов африканцев, только в 1990-е годы в

50 конфликтах погибло около 8 млн человек. Не менее 6 млн стали беженцами и порядка 30 млн — «перемещенными лицами».

В числе наиболее кровопролитных войн конца XX — начала XXI в. оказались широкомасштабные вооруженные конфликты в Судане (1956–1972) — 600 тыс. жертв, Нигерии (1966–1970) — 2 млн, Уганде (1971–1978; 1981–1986) — 500 тыс. и 1 млн соответственно, Бурунди (1972–1973) — 200 тыс., Эфиопии (1974–1991) — 2 млн, Анголе (1975–2002) — 1,5 млн, Мозамбике (1981–1992) — 1 млн., Судане (1983–2002) — 2,3 млн., Сомали (1988) — 300 тыс., Либерии (1990–1997) — 200 тыс., Бурунди (с 1993) — 200 тыс., Руанде (с 1994) — 1 млн, Заире (Демократической Республике Конго — ДРК) (1996–2004) — 2,5 млн, Судане (с 2003) — 400 тыс. погибших (*Иорданский, 2005, с 187*).

Еще тяжелее осознавать тот факт, что в них принимали участие дети — целое поколение, которое выросло в условиях гражданских войн в окружении культа насилия. Определенная тактика вовлечения детей в вооруженную борьбу возродилась в начале 1990-х годов в странах к югу от Сахары в ДРК, Анголе, Мозамбике. Её организаторы сначала добивались полного разрыва детей со своими семьями, заставляя их участвовать в нападении на родных и близких. Тем самым дети обрывали все кровные связи и отрезали себе пути возвращения домой. Кроме того, они постоянно получали наркотики, чтобы не испытывать нравственного потрясения, участвуя в чудовищных злодеяниях. Проведенный в 1995 г. в Анголе опрос детей выявил, что 66% из них наблюдали за убийствами, 91% видели мертвые тела, 67% были свидетелями пыток, истязаний людей, более 2/3 пережили события, чреватые для них смертью. С 1980 по 1988 г. по причинам, связанным с военными действиями, Ангола потеряла 330 тыс. детей, Мозамбик — 490 тыс. (*Marshall, Monty, 2005*).

В постколониальный период появилось множество терминов, характеризующих процессы, происходящие в Африке. Некоторые понятия, такие как «нестабильность», «конфликтность», всевозможные кризисы — национальные, экологические, экономические, этнические, явились атрибутами политического развития африканских стран. Появление этих терминов определялось не только внутренними причинами неблагополучия в государстве. Пришли новые категории: «слабые государства», «рухнувшие государства», «хрупкие государства», «гибнущие государства» (*Минаев, 2007, 86–92*).

Такая социальная болезнь, как коррумпированность, переплеталась с бедностью, неравенством, ужасающей бедностью, голод и болезни стали политическим лицом африканских стран. Власть характеризовалась не только государствами, лидерами, но и коррупцией со всевозможными видами и формами. «Коррупция, как явление действительно, представляет собой особенный специфический социальный кон-

фликт, существующий на рубеже экономики и права. Специфика его заключается в том, что он неизбежно возникает между объективно развивающимися экономическими отношениями и регулируемыми их нормами права. При этом коррупция расширяет свои пределы в те периоды, когда общество находится на изломе социально-политических перемен и экономических реформ» (*Куширенко, Пристанков, 2004, 6–15*).

Существуют различные типы, виды и формы коррупции, важнейшими из которых являются экономические и политические. За годы своего правления заирский лидер Мобуту Сесе Секо присвоил 4 млрд долларов, а нигерийский диктатор С. Абача незаконно получил и вывез за рубеж более 5 млрд долларов. В начале XXI в. коррупция «стоила» Африке более 148 млрд долларов в год. Она повышала цены на товары примерно на 20%, сдерживала инвестиции и «поворачивала развитие вспять». Феномен политической коррупции, определяющий социальный облик группы политиков и чиновников, воздействует на нормы их поведения и в конечном счете формирует своеобразную культуру «политической коррупции». Следует отметить, что коррупция обладает феноменальными способностями и обычно маскируется под «респектабельные» виды политического руководства — бюрократию, технократию, партократию (*Гевелинг, 2001, 79–111*).

Производительные силы общества считаются угрозой режима. Бизнесмены формируют оппозиционные партии, бросая вызов существующей власти. Они же помогают оппозиционным группировкам. Руководство государства все усилия бросает на то, чтобы разрушить оппозиционные группировки. По мере того как в Африке разваливались экономики, все больше и больше простого народа возлагало ответственность за свои проблемы на местных богачей. Народ поддерживал президентов, которые боролись с такими группировками, что позволяло президентам становиться пожизненными президентами, как это произошло с Мобуту и с полковником Бакассой, провозгласившим себя Императором Центральной Африканской империи.

В 1960-е годы по Африке прокатилась волна военных переворотов. Военные пользовались моментом, когда правитель становился непопулярным и захватывали власть. Африканские правители ослабляли свои собственные армии, переставая им платить. Нет сильных военных, нет сильной армии. Правители государства разрушали свои государственные учреждения начиная с армии. На нижних армейских этапах солдаты и полицейские тоже пользовались коррупцией своих начальников, грабя население. Аппарат на местах, в провинциях главным приоритетом делает свое собственное потребление. Администраторы провинций становятся главной силой. Таким образом, разрушение государственных структур, отсутствие доверия внутри социальных групп, социальных

элит приводило к различным формам обогащения номенклатуры, военных, государственных чиновников разных рангов сверху донизу и создало новое явление в условиях Африканского континента, такое как клептократия. Слабое государство — слабые военные. Самое важное — обеспечить безопасность пожизненного президента. Не повстанцы и не борцы за свободу свергали президентов государств. Это были бывшие министры, оппозиционные политики, которые организовывали свои группы вооруженной поддержки, чтобы свергнуть президента, занять его пост и заниматься тем же самым — грабежом ресурсов, как и предшественник. Таким образом, политика уходила из всех сфер социальной жизни и сосредоточивалась в руках политиков, контролирующих доступ к контрабанде и другим источникам личного обогащения. Результатом явилась социальная катастрофа.

Особенно от такой ситуации страдает молодежь, запертая в сельских трущобах, вынужденная заниматься контрабандой и рэккетом, — молодые охотники за алмазами в Сьерра-Леоне, молодые бандиты с мачете в руках в Либерии, группировки вооруженной молодежи в Нигере и Нигерии, отчужденные беспредельные группировки молодежи. Эта группа отвергает коррумпированную элиту, мечтает о другом образе жизни. Но они не образованы, и все, что могут придумать, — люмпенская культура протеста (*Puno, <http://www.irop.ru/reading/rino/>*).

Большинство населения африканских стран — жертвы политической, экономической маргинализации. Судьба бедных, беженцев и перемещенных лиц не заботит местных политиков, когда распределяются социальные блага или ведутся переговоры о мире. Еще в меньшей степени интересы маргиналов учитываются военными правителями или захватившими власть преступными элементами. Жизнь и собственность африканских маргиналов никем и ничем не защищены. А их пассивность в общественно-политической жизни стимулирует развитие коррупции, преступности и различных видов принуждения. Люди видят, как их правительства превратились в хищных бандитов. Они начинают создавать свои собственные дружины по самообороне, но проблема заключается в том, что так называемое ополчение и дружины создаются по религиозному или этническому принципу. Ужасающая бедность населения и высокая степень неравенства распределения доходов среди представителей власти явились причиной социальной напряженности в странах. В Африке южнее Сахары проживает 25% всех сверхбедных мира. В абсолютном выражении это 250–300 млн человек, или 36–44% совокупного населения региона. На страновом уровне в целом ряде случаев этот показатель еще выше. Менее чем на 1 доллар в день вынуждены существовать около 70% населения Центральной Африканской Республики, 63% — в Зимбабве, 61% — в Буркина-Фасо и Нигере, 57% — в

Сьерра-Леоне, 49% — на Мадагаскаре (*World Development Report, 2003, 5, 236–237*).

Последствия такого положения катастрофично для населения региона. Почти в половине стран Африки южнее Сахары от недоедания страдает от 20% до 40% детей в возрасте до 5 лет. Считается, что к 2015 г. численность населения, вынужденного существовать менее чем на 1 долл. в день, возрастет по сравнению с 1990 г. на 35%. В кризисном состоянии находятся здравоохранение и система образования африканских стран. В расчете на тысячу человек приходится всего 0,1 врача и 1,1 место в медицинских учреждениях (*World Development Report, 2001, 100, 104*). Годовые расходы на здравоохранение составляют в Африке южнее Сахары в расчете на душу населения 29 долларов (*World Development Report, 2004, 259, 257*). СПИД, туберкулез, малярия наряду с голодом — главные причины смертности населения. Численность ВИЧ-инфицированных оценивается в 28,5 млн человек, включая 2,6 млн детей в возрасте до 15 лет и 15 млн женщин. На страновом уровне наибольшее распространение СПИД получил в Ботсване, Замбии, Зимбабве, Лесото, Малави, Мозамбике, Намибии и Свазиленде. Из 600 млн человек, живущих к югу от Сахары, 100 млн человек страдают различного вида умственными расстройствами. Причины этого бедствия — геноцид, гражданские беспорядки, войны, уничтожение традиций, урбанизация и нищета (*UN document, 2003, 11*).

Кризис переживает и система образования. Государственные расходы на образование — самые низкие в мире. Серьезные проблемы школьного образования приводят к высокому уровню неграмотности в регионе. По данным на 2001 г., в странах Африки южнее Сахары неграмотны 30% мужского и 60% женского населения старше 14 лет (*World Development Report, 2006, 292–293*). На страновом уровне эти показатели выше. В Нигере неграмотны 80% населения старше 14 лет, Мали — 81%, Чад — 73%, Сьерра-Лиона — 70%, Бенине — 60%.

Политические, этнические, религиозные конфликты на фоне кризисной социально-экономической ситуации приводят к миграции населения. Например, на 1 января 2005 г. общая численность беженцев в мире оценивалась в 19,2 млн человек, из них 4,9 млн приходилось на страны Африки (<http://www/unhr.org/cgi-bin/texis/vtx/basics>). В ряду тяжелейших проблем выступает и прогрессирующая деградация экологических систем — вырубка лесов, опустынивание, эрозия, истощение почвенных ресурсов и загрязнение воды.

К концу 1990-х годов африканские лидеры признали, что Африканский континент выпал из современности, не готов к вызовам глобализации, не привлекателен для инвесторов из-за неумелого управления и чудовищной коррупции. Обращение к идеям panaфриканизма, которые

в прошлом сыграли прогрессивную роль в развитии национально-освободительного движения и являлись фундаментом для сплочения только что ставших независимыми государств, вполне оправданно. В начале XXI в. был создан Африканский союз, который заменил собой Организацию африканского единства. Фактически речь шла о создании общенационального государства, т. е. о Соединенных Штатах Африки. Этот вопрос ставился на рубеже 1950–1960 гг. первым президентом Ганы Кваме Нкрума. Тогда эта идея оказалась преждевременной.

Что может спасти Африку? Или она так и останется политическим балластом с несметными богатствами? «Мы в Африке допускали немало ошибок в концептуальной разработке политики, а когда нам удавалось определить правильную политику, мы плохо претворяли её в жизнь. У нас было немало продажных и некомпетентных руководителей... Мы не смогли реализовать на практике демократию, о которой мечтали... Мы почти выиграли битву за политическое освобождение Африки. Действуя сообща и в согласии с другими странами “третьего мира”, мы сможем выиграть и битву за экономическую независимость Африки» (Ньерере, 2007, 73).

Созданный документ «Новое партнерство для развития Африки» (NEPAD) в начале XXI в. выдвигает на первый план борьбу с бедностью и социальным неравенством, укрепление демократии. Принятие стратегии развития вместе с детальной программой действий ознаменовало начало новой фазы партнерства и сотрудничества Африки и развитого мира, вселяя надежду в истощенного африканского ребенка, что XXI в. может стать действительно веком Африки (*Программы развития Африки...*, 2007, 109).

После распада СССР связи России с Африкой резко ослабели. Здание сотрудничества со странами Африки, возведенное в советское время, в 1990-е годы было практически разрушено. Отношения с африканскими странами были по большей части заморожены или свернуты. Односторонняя ориентация российской элиты на Запад привела к тому, что Россия ушла из Африки, как и из многих районов мира, утратив там социальные, экономические, политические позиции. Но в настоящее время Россия заинтересована в Африке и в экономическом, и в политическом, и в военном отношении, как и Африка в России.

В Африке есть потенциал доброжелательного отношения к России. Есть люди, получившие образование в советских вузах, — это африканская элита, занимающая государственные посты, работающая в политических партиях и бизнесе. Визиты президентов России в Африку в 2006 и 2009 гг. свидетельствуют о пересмотре внешнеполитической концепции России в сторону осуществления серьезных проектов в Африке. Такакова же перспектива Африки? Африка находится в поисках идентич-

ности. Появление концепции «Африканского ренессанса», возможно, станет новой идеей — «всеохватывающей национальной идеей» в перспективе для всего Африканского континента. Но сегодня можно лишь процитировать слова одного из африканских гимнов: «Господи, благодари Африку!»

Литература

Бочаров В. В. Индивид и власть в Тропической Африке (к проблеме иррационального в политике) // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Т. 2. Политическая культура и политические процессы. СПб., 2002.

Гевелинг Л. В. Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба Африканского государства с деструктивными формами организации власти. М., 2001.

Порданский В. Б. Проблемы стран Африки к югу от Сахары. На страницах журнала «Africa Renewal» («Africa Recovery»). Обзор // Восток (O' Riens). 2005. № 4.

Косухин Н. Д. Политическая власть и политический процесс в Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2001. № 3.

Куширенко С. П., Пристанков В. Д. Коррупция и её преступные проявления: особенности уголовного преследования. СПб., 2004.

Мельянцева В. А. Генезис современного (интенсивного) роста. М., 2004.

Минаев М. Проблематика «слабых государств» в американской аналитике // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 2 (14). Май–август.

Мирзаханов В. С. Интеллектуалы, власть и общество в «черной» Африке. М., 2001.

Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. 1945–2000 гг. Ч. 3. М., 2004.

Ньерере Дж. К. О спаде социального и экономического развития стран Африки и о перспективах дальнейшего развития // История Африки в документах. 1870–2000. Т. 3: 1961–2000. М., 2007.

Программы развития Африки в XXI в., подготовленном Африканским союзом. Октябрь 2001. Новое партнерство для развития Африки (НЕПАД) // История Африки в документах. 1870–2000. Т. 3: 1961–2000. М., 2007.

Рино У. Клановая борьба за передел природной ренты и причины государственного распада в Африке и Азии // <http://www.irop.ru/reading/rino/>

Современная Африка, метаморфозы политической власти. М., 2009.

<http://www.unhr.org/cgi-bin/texis/vtx/basics>

http://www.findarticles.com/p/article/mi_m1132/is_10_53/ai_84184716

Marshall Dr., Monty G. Conflict Trends in Africa, 1946–2004 // A Macro comparative Perspective; Annexes: Report prepared for Africa conflict prevention pool. Gov. UK. 2005. October.

UN document E. 2003. N 17. 13 May.

World Development Report 2001. Washington DC, The World Bank, 2001.

World Development Report 2003. Washington. DC, The World Bank, 2003.

World Development Report 2004. Washington DC, The World Bank, 2004.

World Development Report 2006. Washington DC, The World Bank, 2006.